

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Пределы судебного разбирательства и изменения обвинения»

Обучающийся

В.В. Чуйков

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.Р. Тахаутдинова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью законодательного закрепления пределов судебного разбирательства, поскольку оно направлено на обеспечение прав и законных интересов граждан, а также на их защиту от необоснованного обвинения. Установление пределов судебного разбирательства нивелирует возможность смешивания полномочий суда и предварительного следствия. Однако реализация данного правового института на практике сталкивается с рядом проблемных моментов, которые выражаются, прежде всего, в пробелах и неточностях правовых норм, закрепляющих пределы судебного разбирательства в уголовном процессе. Это обуславливает различного рода судебные ошибки.

Цель работы состоит в комплексном анализе пределов судебного разбирательства и изменения обвинения в суде в уголовном процессе.

Задачи заключаются в: исследовании понятия, задач и принципов судебного разбирательства; изучении понятия и содержания пределов судебного разбирательства; исследовании пределов судебного разбирательства в отношении соучастников и иных лиц, причастных к совершению преступления, не являющихся подсудимыми по делу; изучении пределов установления в судебном разбирательстве факта совершения преступления другими участниками уголовного процесса; исследовании понятия, сущности и пределов изменения обвинения в судебном разбирательстве; анализе условий изменения обвинения в судебном разбирательстве.

Структура работы. Сформированные цель и задачи обусловили следующую структуру работы: введение, три главы, подразделенные на шесть параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Пределы судебного разбирательства как его общее условие.....	7
1.1 Понятие, задачи и принципы судебного разбирательства	7
1.2 Понятие и содержание пределов судебного разбирательства	16
Глава 2 Пределы судебного разбирательства по кругу лиц	25
2.1 Пределы судебного разбирательства в отношении соучастников и иных лиц, причастных к совершению преступления, не являющихся подсудимыми по делу	25
2.2 Пределы установления в судебном разбирательстве факта совершения преступления другими участниками уголовного процесса.....	32
Глава 3 Особенности пределов изменения обвинения в судебном разбирательстве.....	40
3.1 Понятие, сущность и пределы изменения обвинения в судебном разбирательстве	40
3.2 Условия изменения обвинения в судебном разбирательстве	48
Заключение	56
Список используемой литературы и используемых источников	62

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью законодательного закрепления пределов судебного разбирательства, поскольку оно направлено на обеспечение прав и законных интересов граждан, а также на их защиту от необоснованного обвинения. Установление пределов судебного разбирательства нивелирует возможность смешивания полномочий суда и предварительного следствия. Обвинение в обвинительном заключении формируется именно следователем, с обоснованием данного факта. В суд обвинительное заключение передается с указанием на проведенное расследование. В свою очередь, суд проводит разбирательство на основании полученного обвинительного заключения с предъявленным обвинением.

Однако реализация данного правового института на практике сталкивается с рядом проблемных моментов, которые выражаются, прежде всего, в пробелах и неточностях правовых норм, закрепляющих пределы судебного разбирательства в уголовном процессе. Это приводит к слишком широкому пространству для судебного усмотрения и порождает различные судебные ошибки, которые выражаются, как в: выходе суда за пределы обвинения в сторону ухудшения, так и в произвольной трактовке судами пределов судебного разбирательства. Это подтверждает необходимость исследования пределов судебного разбирательства и изменения обвинения для формирования рекомендаций, направленных на совершенствование правовых норм, регламентирующих данный институт.

Степень научной разработанности. Вопросы, касающиеся пределов судебного разбирательства и изменения обвинения в уголовном процессе, становились предметом диссертационных исследований таких учёных, как: Е.А. Бравилова (2004 год, Пределы судебного разбирательства), М.А. Хохряков (2013 год, Пределы судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: законодательство, теория, практика), С.А. Трухин

(2016 год, Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел).

Как видно, самостоятельных комплексных исследований, посвященных пределам судебного разбирательства и изменению обвинения, крайне мало. И, кроме того, имеющиеся работы уже утратили свою актуальность. Вопросы пределов судебного разбирательства в современной науке, как правило, рассматриваются в рамках исследований, посвященных непосредственно самому судебному разбирательству либо в рамках публицистических публикаций. Это говорит о недостаточной исследованности обозначенной темы.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере реализации пределов судебного разбирательства и изменения обвинения в уголовном процессе.

Предмет изучения составляет совокупность научных исследований, нормативно-правовой базы и материалов судебной, касающихся пределов судебного разбирательства и изменения обвинения в суде.

Цель работы состоит в комплексном анализе пределов судебного разбирательства и изменения обвинения в суде в уголовном процессе.

Задачи заключаются в:

- исследовании понятия, задач и принципов судебного разбирательства;
- изучении понятия и содержания пределов судебного разбирательства;
- исследовании пределов судебного разбирательства в отношении соучастников и иных лиц, причастных к совершению преступления, не являющихся подсудимыми по делу;
- изучении пределов установления в судебном разбирательстве факта совершения преступления другими участниками уголовного процесса;

- исследовании понятия, сущности и пределов изменения обвинения в судебном разбирательстве;
- анализе условий изменения обвинения в судебном разбирательстве.

Теоретическую основу исследования составили труды таких авторов, как: А.С. Айдаров, А.С. Александров, А.А. Барыгина, Е.А. Бравилова, Н.В. Будылин, А.В. Бондаренко, С.В. Бурмагин, В.М. Басалыко, Е.В. Бошукова, С.А. Вдовин, В.Т. Гензик, А.Ю. Епихин, Г.А. Есаков, Г.И. Загорский, Е.А. Зайцева, Л.Р. Затворницкая, В.И. Иванов, А.Е. Иванова, А.С. Карпов, Л.И. Карпова, Ю.А. Кузовенкова, А.В. Лаков, Н.С. Манова, М.А. Малина, А.В. Малютина, А.Л. Монгуш, В.Ю. Мельников, А.О. Машовец, М.Е. Муллахметова, Е.В. Рябцева, Е.С. Сердюк, А.Е. Федюнин, А.А. Хайдаров, Д.А. Чернышев, А.А. Широбокова, А.А. Юнусов и других авторов.

Нормативную основу работы составили нормы: Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составили метод диалектического материализма, логический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод системного анализа, прогнозирования и другие.

Структура работы. Сформированные цель и задачи обусловили следующую структуру работы: введение, три главы, подразделенные на шесть параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Пределы судебного разбирательства как его общее условие

1.1 Понятие, задачи и принципы судебного разбирательства

Основным источником, регламентирующим судебное разбирательство в уголовном процессе, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В ст. 5 указанного закона фиксируется понятие судебного разбирательства, которое представляет собой «заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций» [54]. Судебное заседание, согласно УПК РФ, представляет собой «процессуальную форму осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу» [54]. Из обозначенной позиции законодателя можно заключить, что судебное разбирательство в уголовном процессе представлено в виде судебного заседания. Что касается сферы современной юридической науки, то в ней встречаются позиции, выражающие несогласие с законодательным определением судебного разбирательства, отмечающие его некорректность. Основным доводом в поддержку обозначенной позиции выступает то, что законодателем опускается указание на досудебное производство, которое также является частью судебного разбирательства, исходя из положения, закрепленного в ст. 5 УПК РФ [55, с. 48].

Современными исследователями понятие судебного разбирательства определяется по-разному. Представим основные подходы следующим образом:

- «уголовно-процессуальная деятельность суда (судьи) при участии других участников уголовного судопроизводства, направленную на разрешение дела по существу в рамках судебного заседания» [55, с. 49];
- «регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность суда первой инстанции при участии других участников уголовного судопроизводства по установлению наличия или

отсутствия фактических и юридических оснований для определения виновности подсудимого в совершении преступления и применения к нему мер уголовного наказания» [28, с. 118];

- «процесс, проводимый в форме судебного заседания, где рассматривается и разрешается уголовное дело по существу, тем самым разрешая вопрос об уголовной ответственности обвиняемого» [9, с. 355];
- «ключевой момент в уголовном процессе, когда вина или невиновность обвиняемого определяется на основе представленных доказательств и юридических аргументов, кульминация предыдущих этапов, таких как досудебное расследование и сбор доказательств, и служит основой для последующих этапов, включая вынесение приговора и возможность подачи апелляций» [58, с. 223];
- «ключевая стадия уголовного судопроизводства, в ходе которой реализуется назначение уголовного процесса, а также основная функция суда, закрепленная в ст. 118 Конституции РФ и ч. 1 ст. 29 УПК РФ – осуществление правосудия» [56, с. 73].

Относительно вышеприведенных определений можно отметить, что каждое из них отражает тот или иной аспект исследуемого явления, но не формирует полноценного, всестороннего понимания того, что представляет собой судебное разбирательство и в чем его главные особенности.

Кроме того, встречаются подходы, согласно которым «судебное разбирательство следует рассматривать, как судебную стадию уголовного процесса» [24, с. 149]. Е.В. Бошукова и К.С. Корсунова определяют судебное разбирательство, как «центральную стадию уголовного процесса, в которой суд на основе исследования и оценки доказательств, предъявленных сторонами обвинения и защиты, устанавливает фактические обстоятельства уголовного дела по существу, решает вопрос о виновности или невиновности обвиняемого и провозглашает приговор» [9, с. 356]. Думается, что такой

подход вполне допустим, поскольку для судебного разбирательства характерно наличие собственных задач и процессуальных решений.

Как видно, единый подход к пониманию судебного разбирательства в науке отсутствует. Исследуемое понятие определяется и как деятельность суда, и как стадия процесса, и как сам процесс. Ряд исследователей уделяют внимание задачам судебного разбирательства при определении его, но не указывают на процессуальные акты, которые характерны для данного этапа. Другие подменяют первостепенные вопросы, которые решаются на данной стадии вторичными (решение о виновности подменяется решением об уголовной ответственности). Думается, что для формирования теоретического единства в отношении понимания судебного разбирательства необходимо закрепление в законе более точного и полного определения данного понятия следующим образом: «судебное разбирательство представляет собой центральную стадию уголовного судопроизводства, которая призвана разрешать дело по существу путем исследования всех представленных доказательств и вынесения решения о виновности либо невиновности подсудимого» [9, с. 356].

Важнейшим аспектом судебного разбирательства, который, в частности, позволяет выделить его в отдельную стадию, являются задачи. УПК РФ не содержит отдельного положения, посвященного задачам судебного разбирательства. Однако, по смыслу некоторых положений данного закона, посвященных судебному разбирательству, можно сделать вывод, что таковыми являются исследование доказательств по делу, установление виновности подсудимого, решение вопроса о назначении наказания подсудимому.

В.М. Лебедев задачи судебного разбирательства определяет, как «разрешение уголовного дела по существу, в соответствии с требованиями закона и постановление законного, обоснованного и справедливого решения» [29, с. 174]. А Т.Х Кондратьева к задачам судебного разбирательства относит исследование доказательств и формулирование на основании этого обвинения

[27, с. 130]. В.В. Хатуева и Е.А. Матыцина в качестве задач судебного разбирательства так же называют «непосредственное и полное исследование доказательств, представленных сторонами и дополнительно истребованных судом, для решения вопроса о виновности подсудимого, вынесения обоснованного приговора и назначения справедливого наказания» [56, с. 73]. Встречаются мнения авторов, согласно которым задачей судебного разбирательства выступает разрешение судом конфликта между сторонами [56, с. 74].

Исследование доказательств в судебном разбирательстве заключается в их проверке и оценке. В соответствии со ст. 240 УПК РФ «все доказательства подлежат непосредственному исследованию, кроме случаев, когда судебное следствие по делу не проводится. Приговор суда основывается только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании» [54].

Согласно ст. 87 УПК РФ «Проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [54].

Оценка доказательств основывается на внутреннем убеждении субъекта, который осуществляет эту оценку (суд, присяжные, прокурор, следователь). При этом, при оценке доказательств субъект должен руководствоваться, в соответствии с УПК РФ, «законом и совестью». Согласно ст. 88 УПК РФ суть оценки доказательств состоит в установлении их соответствия требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности [54].

Относимость является неотъемлемым элементом свойства доказательств. Относимость доказательств – это такое свойственное им качество, в результате которого они способны установить обстоятельства, необходимые для полного и правильного разрешения гражданского или арбитражного спора. Под относимостью подразумевается также наличие связи

доказательства по содержанию с предметом доказывания или вспомогательными фактами, служащими для его установления.

«Под относимостью доказательств следует понимать возможность их использования для установления фактических данных судопроизводства, а также обстоятельств, подлежащих доказыванию через существующую между ними процессуальную взаимосвязь. Главным для признания относимым доказательством в производстве выступает решение вопроса о том, относятся ли обстоятельства и факты в круг имеющих существенное значение для правильного разрешения спора и подлежащих доказыванию. Если относятся, то они соответствуют требованию относимости, если не относятся – требованию не отвечают, и поэтому доказыванию не подлежат» [36, с. 167].

«Допустимость доказательства определяется обстоятельствами его получения и привлечения к делу. Законность средства получения доказательств – один из критериев оценки их допустимости. Обычно нарушение правил, регламентирующих проведение того или иного следственного действия, приводят к исключению доказательств, как недопустимых. Допустимость доказательства определяется еще и тем, чтобы в конкретной ситуации оно было избрано в соответствии с определенными задачами» [36, с. 167].

Достоверность доказательств подразумевает их соответствие действительности. Если посредством проверки установлена ложность доказательства, в связи с противоречивостью другому доказательству или их совокупности, не подтверждение или опровержение другими доказательствами, то данное доказательство может быть признано недостоверным. Однако нельзя не обратить внимание на то, что УПК РФ не раскрывает понятия и критериев достоверности доказательств.

Основываясь на Конституции, уголовно-процессуальный закон закрепляет принципы судебного уголовного судопроизводства, которые распространяются и на судебное разбирательство:

- «разумный срок уголовного судопроизводства;

- законность при производстве по уголовному делу;
- осуществления правосудия только судом;
- независимость судей;
- уважение чести и достоинства личности;
- неприкосновенность личности;
- охрана прав и свобод человека и гражданина;
- неприкосновенность жилища
- презумпция невиновности;
- состязательность сторон;
- обеспечение обвиняемому или подозреваемому права на защиту;
- свободы оценки доказательств;
- язык судопроизводства;
- право на обжалование процессуальных действий и решений» [54].

Ст. 240 и ст. 241 закрепляют принципы, характерные непосредственно для судебного разбирательства - это гласность, непосредственность и устность судебного разбирательства [54].

Важнейшим принципом является разумный срок судопроизводства. Согласно ст. 233 УПК РФ «рассмотрение уголовного дела в судебном заседании должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, а по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, - не позднее 30 суток» [57].

Принцип законности - также важнейший принцип, на котором должна быть построена вся деятельность государственных органов. Судья, органы следствия, прокурор должны основывать свою деятельность на положениях закона. Суд может выносить любые решение только в рамках закона.

«Принцип отправления правосудия только судом состоит в том, что единственным субъектом, осуществляющим правосудие в уголовном процессе, является суд. Виновность лица устанавливается только на

основании приговора суда, только суд уполномочен назначать уголовное наказание» [21, с. 145]

Принцип независимости судей выражен в том, что судья наделяется независимостью от какого-либо руководства, не подчиняется иным органам власти и основывает свою деятельность исключительно на положениях закона. Суд выносит свое решение от имени государства, на основании собственного убеждения, совести, совокупности доказательств и норм закона. Суд является представителем государственной власти. На него не должно оказываться какое-либо воздействие со стороны.

Принцип уважения чести и достоинства личности подразумевает недопустимость каким-либо образом унижать честь и достоинство того или иного лица в рамках судебного разбирательства.

Принцип неприкосновенности личности выражается в недопустимости ограничения свободы подозреваемого или обвиняемого, кроме как по решению суда и на определенный законом срок.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина состоит в недопустимости нарушения прав и свобод органами следствия и суда. «Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. В случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель

следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности» [54].

Принцип презумпции невиновности состоит в том, что «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения» [54].

Принцип состязательности сторон в судебном разбирательстве реализуется посредством разделения функций предварительного следствия, суда, обвинения и защиты. Как уже было указано в работе, обвинение формируется в обвинительном заключении органами следствия, на основании данного обвинения суд рассматривает дело. Функции обвинения и защиты не могут быть возложены на один и тот же субъект. Суд обеспечивает условия для реализации состязательности [54].

Принцип обеспечения обвиняемому или подозреваемому права на защиту базируется на установленной законом обязанности государства предоставить указанным субъектам права самостоятельно выбирать - осуществлять защиту самолично либо с помощью защитника. Если лицо выбирает осуществление защиты с помощью специального лица, то суд обязан предоставить ему государственного защитника, в случае отсутствия у обвиняемого возможности оплачивать услуги частного адвоката.

Принцип свободы оценки доказательств заключается в закреплении в УПК РФ права суда, следствия, прокурора оценивать доказательства на основании их внутреннего убеждения, закона и совести, а также на совокупность доказательств [54].

Принцип языка судопроизводства выражается в предоставлении права участнику процесса пользоваться услугами переводчика. Закон также устанавливает, что в Российской Федерации судебное разбирательство ведется на русском языке.

Принцип права на обжалования процессуальных действий и решений выражается в предоставлении права неоднократно обжаловать решения суда путем подачи соответствующей жалобы в вышестоящую инстанцию [54].

Принципы непосредственности и устности состоят в «необходимости непосредственного исследования всех доказательств в судебном заседании, в заслушивании показаний участников процесса. Закон устанавливает, что суд в приговоре может ссылаться только на те доказательства, которые были непосредственно исследованы в рамках судебного разбирательства» [54].

Гласность реализуется в том, что «разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных ст. 241 УПК РФ» [упк]. Это означает, что судебное заседание могут посетить желающие сторонние наблюдатели, которые не являются участниками процесса.

Закрепление и соблюдение указанных принципов имеет важнейшее значение для реализации справедливого судебного разбирательства и обеспечения прав и свобод участников процесса.

Таким образом, можно сделать вывод относительно того, что единый подход к пониманию судебного разбирательства в науке отсутствует. Исследуемое понятие определяется и как деятельность суда, и как стадия процесса, и как сам процесс. Ряд исследователей уделяют внимание задачам судебного разбирательства при определении его, но не указывают на процессуальные акты, которые характерны для данного этапа. Другие подменяют первостепенные вопросы, которые решаются на данной стадии вторичными (решение о виновности подменяется решением об уголовной ответственности). Думается, что для формирования теоретического единства в отношении понимания судебного разбирательства необходимо закрепление в законе более точного и полного определения данного понятия следующим

образом: «судебное разбирательство представляет собой центральную стадию уголовного судопроизводства, которая призвана разрешать дело по существу путем исследования всех представленных доказательств и вынесения решения о виновности либо невиновности подсудимого» [9, с. 356].

Важнейшим аспектом судебного разбирательства являются его задачи. Исследователями выделяются такие задачи судебного разбирательства, как «разрешение дела по существу, непосредственное исследование доказательств, установление виновности подсудимого, вынесение приговора и назначение справедливого наказания или освобождение от него» [56, с. 73].

Для реализации справедливого судебного разбирательства, для обеспечения прав и свобод участников процесса, а также обеспечения главенствующих ценностей и основ, закрепленных в Конституции, необходимо соблюдение установленных УПК РФ принципов судебного разбирательства. Для судебного разбирательства характерны принципы, предусмотренные для всего уголовного процесса, а также те принципы, которые предусмотрены непосредственно для самого судебного разбирательства - «гласность, непосредственность и устность» [54].

1.2 Понятие и содержание пределов судебного разбирательства

В отличие от судебного разбирательства, понятие его пределов не закреплено в уголовно-процессуальном законе. Согласно положению ст. 252 УПК РФ «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» [54].

Исследователями обозначенное понятие определяется следующим образом:

- «установленные уголовно-процессуальным законом ограничения процессуальных прав и полномочий должностных лиц суда,

прокуратуры и иных участников уголовного процесса (частный обвинитель) по изменению обвинения, сформулированного и предъявленного на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, при рассмотрении судом уголовного дела в отношении конкретного лица, ранее обладающего статусом обвиняемого, исключая случаи ухудшения положения подсудимого и обеспечивающие защиту его прав и свобод» [22, с. 113];

- «установленные законодательством Российской Федерации в императивном порядке материальные и процессуальные границы (рамки), в которых должно осуществляться судебное разбирательство» [8, с. 13];
- «установленные уголовно-процессуальным законом границы, в рамках которых осуществляется судебное разбирательство; границы, определяющие предмет судебного разбирательства по уголовному делу» [30, с. 76];
- «материально-правовые и процессуально-правовые границы реализации процессуальных функций (обвинения, защиты, правосудия) в указанной стадии процесса, определяющие его предмет (круг обстоятельств, подлежащих установлению, и доказательств, подлежащих исследованию), обвиняемых, в отношении которых рассматривается дело, и являющиеся гарантией реализации принципов уголовного судопроизводства» [37, с. 60];
- «требования к подсудимому и к процессу назначения наказания, что на практике оказывает огромное значение для обеспечения принципов судебного разбирательства и на защиту основных прав и свобод человека. Нарушение данных требований влечёт за собой присмотр данного дела выше стоящей инстанции» [1, с. 175].

На основании представленных определений, можно выделить два основных подхода к определению пределов судебного разбирательства - это

рассмотрение исследуемого явления, как «установленных законом границ реализации процессуальных полномочий суда» [37, с. 14] и рассмотрение их «как требований к судебному разбирательству относительно обвиняемого и обвинения» [1, с. 175]. Как правило, исследователи видят сущность пределов судебного разбирательства, в том, что с помощью них «устанавливаются границы процессуальных действий и полномочий суда относительно субъекта обвинения и самого обвинения» [22, с. 113]. Определение пределов судебного разбирательства, как требований к подсудимому и к процессу назначения ему наказания не представляется корректным, поскольку из законодательного положения ст. 252 УПК РФ становится понятным, что данные ограничения касаются сферы обвинения и объекта обвинения.

Необходимо обратить внимание на то, что судами пределы судебного разбирательства понимаются не только в рамках положений, установленных ст. 252 УПК РФ. Так, по одному из дел, суд указал, что пределы судебного разбирательства нарушаются тем, что в рамках решения вопроса об избрании меры пресечения исследуются вопросы доказанности вины обвиняемого лица и вопросы исследования и оценки доказательств по делу [42]. Относительно данного утверждения суда можно отметить, что, теоретически, вполне возможно было бы включить в пределы судебного разбирательства предмет доказывания по делам об избрании меры пресечения.

Пределы судебного разбирательства можно условно разделить на касающиеся субъекта разбирательства и касающиеся объема обвинения. Судебное разбирательство «проводится только в отношении обвиняемого», а «изменение обвинения допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» [54]. Приговор также выносится в рамках предъявленного обвинения. На основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» «судам следует исходить из того, что более тяжким считается обвинение, когда: в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации

преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного. Существенно отличающимся обвинением от первоначального по фактическим обстоятельствам следует считать всякое иное изменение формулировки обвинения (вменение других деяний вместо ранее предъявленных или преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и т. д.), если при этом нарушается право подсудимого на защиту» [40].

В современной юридической науке в содержании пределов судебного разбирательства выделяют «три основных аспекта - предметный, функциональный и гарантийный. Предметный выражается в установлении ограничений относительно установления и описания обстоятельств дела, в рамках которых предъявляется обвинение» [8, с. 14]. Данный элемент включает в себя предмет доказывания, который устанавливается для уголовного дела. Предмет доказывания представляет собой установление тех обстоятельств дела, которые доказывают виновность обвиняемого и позволяют квалифицировать инкриминируемое деяние нужным образом.

«Функциональный аспект пределов судебного разбирательства состоит в установлении границ для полномочий или функций специально уполномоченных органов, которые они осуществляют в рамках судебного разбирательства, касающихся обвинения» [8, с. 14]. Так, функции суда и предварительного следствия в уголовном процессе разграничены. Суд не является органом преследования, не уполномочен переквалифицировать деяние на более тяжкое, не представляет ни сторону защиты, ни сторону обвинения. Как уже было отмечено в работе, суд рассматривает дело в рамках того обвинения и в отношении того обвиняемого, которые были определены следствием [8, с. 14].

Гарантийный аспект пределов судебного разбирательства состоит в том, что они выступают в качестве элемента, реализация которого способствует обеспечению принципов уголовного процесса [8, с. 14].

Для уяснения содержания пределов судебного разбирательства также необходимо рассмотреть понятия обвинения и обвиняемый. Понятие обвинения закреплено в п. 22 ст. 5 УПК РФ и представляет собой «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ» [54]. Г.А. Есаков указывает, что обвинение содержит два аспекта - фактический и юридический. Фактический выражается в объеме обвинения, которое изложено в обвинительном заключении и фактические границы судебного следствия устанавливаются в рамках данного объема. Юридический компонент обвинения выражен статьей УК РФ, которая закрепляет признаки инкриминируемого деяния [17, с. 69].

Понятие обвиняемый не закреплено в УПК РФ, но под предъявлением обвинения закон подразумевает «постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого; обвинительный акт либо обвинительное постановление» [54]. Исходя из этого, можно определить обвиняемого, как «лицо, в отношении которого было выдвинуто обвинение в порядке, предусмотренным УПК РФ» [54].

Порядок предъявления обвинения устанавливается в соответствии со ст. 172 УПК РФ, согласно которой, «обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле. О предъявленном обвинении лицо должно быть извещено, ему должно быть объяснена суть предъявленного обвинения, его права, обязанности и ответственность» [54].

Описание обвинения в одном из выше обозначенных документов включает в себя изложение фактических обстоятельств уголовного дела и квалификацию преступного деяния. Однако среди обстоятельств, изложенных в обвинительном документе не указываются отягчающие обстоятельства [22, с. 112].

Необходимо отметить, что современными авторами критикуется подход законодателя относительно необходимости возвращения уголовного дела прокурору при необходимости его переквалификации по более тяжкой статье УК РФ. Исследователи указывают на неэффективность и формальность данного положения. Проблемность пределов судебного разбирательства, исследователи связывают с недостаточно корректной и полной регламентацией данного явления. Г.А. Есаков указывает на то, что «пределы судебного разбирательства представляют собой краеугольный камень судебного разбирательства, поскольку их правовая регламентация остается неизменной с 2001 года и отчасти утратила свою актуальность. При этом надлежащие теоретические ориентиры для изменения пределов судебного разбирательства отсутствуют» [17, с. 69].

Б.Я. Гаврилов отмечает, что на практике прокурор всегда переквалифицирует деяние на более тяжкое в случаях, когда в судебном разбирательстве устанавливается такая необходимость. Это говорит о том, что закрепление обозначенного положения в законе является простой формальностью, которая только способствует затягиванию судебного разбирательства и нагружает органы прокуратуры излишней работой [15, с. 85].

Относительно вышеуказанного замечания можно отметить, что такое положение, при котором пределы судебного разбирательства приобретают формальный характер, нивелирует их предназначение и обесценивает их значимость. Кроме того, в рамках предварительного следствия достаточно часто встречаются ошибки квалификации, а возвращение дела прокурору затягивает судебное разбирательство. Рассмотрим пример из судебной практики. Лицо было предъявлено обвинение по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ - совершение кражи с «незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище» [53]. Однако прокурор указал на то, что хищение было совершено из сейфа, а сейф не является хранилищем, что говорит о необходимости исключения квалифицирующего признака из предъявленного обвинения. Суд

указал на излишнюю квалификацию обвинения «по признаку незаконного проникновения в иное хранилище, который подлежит исключению из их осуждения». В обоснование данной позиции суд отметил, что сейф не обладает характеристиками, которые указаны для хранилища в примечании к ст. 158 УК РФ [2]. Изложенный пример подтверждает, что более целесообразным было бы передать на законодательном уровне полномочие по переквалификации обвинения на более тяжкое в компетенцию суда.

Поскольку суд наделен правом самостоятельной переквалификации деяния на менее тяжкое, а возвращение дела прокурору для более тяжкой переквалификации носит формальный характер, более целесообразно внести изменение в ч. 2 ст. 252 УПК РФ и изложить ее следующим образом: «Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не нарушается его право на защиту» [54].

В современной науке пределы судебного разбирательства подвергают градации на материальные и процессуальные. Материальные выражаются в том, что юридическая квалификация деяния должна соответствовать обстоятельствам дела, изложенным в обвинительном документе. Иными словами, данные обстоятельства должны укладываться в границы установленных признаков состава инкриминируемого преступления. Процессуальные пределы выражаются в ограничении действий специально уполномоченных лиц в судебном разбирательстве относительно обвиняемого и предъявленного ему обвинения [8, с.13].

Таким образом в качестве вывода к вышеизложенному можно отметить следующее. В современной научной среде авторами по-разному определяются пределы судебного разбирательства. Это, в частности связано с отсутствием законодательного определения обозначенного понятия. Большинство авторов определяют пределы судебного разбирательства, как установленные законом границы процессуальных полномочий суда относительно объекта обвинения и самого обвинения. Ряд исследователей не достаточно точно, в общих чертах, определяют обозначенное понятие, не указывая его сущностные особенности.

Другие перегружают определение излишними дополнениями, такими, как указание на то, что пределы судебного разбирательства выступают в качестве гарантий реализации принципов уголовного процесса. Авторами указывается на проблемность и формальность института пределов судебного разбирательства, которая обусловлена недостаточной корректностью и неактуальностью их правовой регламентации. Определение пределов судебного разбирательства, как требований к подсудимому и к процессу назначения ему наказания не представляется корректным, поскольку из законодательного положения ст. 252 УПК РФ становится понятным, что данные ограничения касаются сферы обвинения и объекта обвинения.

Необходимо обратить внимание на то, что судами пределы судебного разбирательства понимаются не только в рамках положений, установленных ст. 252 УПК РФ, а также, как недопустимость исследования вопросов доказанности вины и исследования доказательств по делу при решении в судебном заседании вопроса об избрании меры пресечения. Относительно данного подхода суда можно отметить, что, теоретически, вполне возможно было бы включить в пределы судебного разбирательства предмет доказывания по делам об избрании меры пресечения.

Современными авторами критикуется подход законодателя относительно необходимости возвращения уголовного дела прокурору при необходимости его переквалификации по более тяжкой статье УК РФ. Исследователи указывают на неэффективность и формальность данного положения, отмечают, что на практике прокурор всегда переквалифицирует деяние на более тяжкое в случаях, когда в судебном разбирательстве устанавливается такая необходимость. Это говорит о том, что закрепление обозначенного положения в законе является простой формальностью, которая только способствует затягиванию судебного разбирательства и нагружает органы прокуратуры излишней работой. Такое положение, при котором пределы судебного разбирательства приобретают формальный характер, нивелирует их предназначение и обесценивает их значимость.

Поскольку суд наделен правом самостоятельной переквалификации деяния на менее тяжкое, а возвращение дела прокурору для более тяжелой переквалификации носит формальный характер, более целесообразно внести изменение в ч. 2 ст. 252 УПК РФ и изложить ее следующим образом: «Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не нарушается его право на защиту».

В современной юридической науке в содержании пределов судебного разбирательства выделяют «три основных аспекта - предметный, функциональный и гарантийный. Предметный выражается в установлении ограничений относительно установления и описания обстоятельств дела, в рамках которых предъявляется обвинение» [8, с. 14]. Функциональный элемент пределов судебного разбирательства состоит в установлении границ для полномочий или функций специально уполномоченных органов, которые они осуществляют в рамках судебного разбирательства. Суд не является органом преследования, не уполномочен переквалифицировать деяние на более тяжкое.

Глава 2 Пределы судебного разбирательства по кругу лиц

2.1 Пределы судебного разбирательства в отношении соучастников и иных лиц, причастных к совершению преступления, не являющихся подсудимыми по делу

Как уже было отмечено в работе, «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению» [54]. Однако к совершению преступления, прямо или косвенно, могут быть причастны иные лица. «К данным лицам могут быть отнесены утратившие статус обвиняемого по ряду причин либо признанные обвиняемыми в рамках отдельного производства» [10, с. 15]. И, хотя преступное деяние данных лиц может быть связано с инкриминируемым подсудимому, в судебном заседании не может устанавливаться их виновность, а в приговоре не должно содержаться описание деяния данных лиц, указание их фамилий. Е.А. Бравилова выделяет следующие категории обозначенных лиц:

- «участники преступления, в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям;
- участники преступления, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство;
- лица, совершившие преступление (общественно опасное деяние) совместно с подсудимым, признанные невменяемыми;
- осужденные участники преступления либо лица, оправданные приговором суда;
- участники преступления, обладающие иммунитетом (дипломатическим, депутатским и др.);
- неустановленные участники преступления» [10, с. 15].

Участники преступления, освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям могут выступать таковыми по ряду причин:

- смерть;
- истечение сроков давности;
- наличие «вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда о прекращении уголовного дела по тому же самому обвинению» [53].

«Виновность указанных лиц не может устанавливаться в судебном заседании наряду с подсудимым, которому предъявлено обвинение» [11, с. 58]. Постановление Пленума Верховного суда «О судебном приговоре» указывает, что «в тех случаях, когда отдельные участники преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, суд может сослаться в приговоре на роль этих лиц в деянии с обязательным указанием оснований прекращения дела лишь при условии, что это имеет значение для установления роли, степени и характера участия подсудимого в преступлении, квалификации его действий или установления других существенных обстоятельств дела» [40].

Однако исследователи указывают, что «данные лица могут принимать участие в судебном заседании и давать показания, что было бы целесообразно отразить в УПК РФ» [10, с. 16]. Это мотивируется наличием их взаимосвязи с инкриминируемым обвиняемому деянием. Относительно лиц, освобожденных от уголовной ответственности по различным основаниям, можно отметить, что для них не предусмотрено отдельного процессуального статуса, с указанием их прав и обязанностей, что делает их незащищенными. Данные лица могли быть признаны подозреваемыми или обвиняемыми, но впоследствии лишены указанного статуса и оказавшись в неопределенном положении. В научной литературе высказывались предложения, согласно которым необходимо придавать данным лицам статус свидетеля с вытекающими из этого правами, обязанностями и ответственностью [11, с. 59].

Следующую категорию лиц, связанных с преступлением, но не являющимися подсудимыми в рамках конкретного судебного разбирательства

составляют «лица, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство» [10, с. 15]. Постановление Пленума Верховного суда «О судебном приговоре» устанавливает, что «если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство либо прекращено в связи со смертью, то в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий, но с указанием принятого в отношении их процессуального решения (например, лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство)» [40].

В научной доктрине отмечается, что «законом не предусмотрено процессуального статуса для лиц, в отношении которых уголовное дело было выделено в отдельное производство, но дающих показания в рамках судебного разбирательства в отношении установления виновности иного лица. Кроме того, может иметь место ситуация, когда лицо, так или иначе связанное с совершенным преступлением, еще не получило статуса обвиняемого, однако принимает участие в судебном разбирательстве по установлению виновности иного лица. Тогда может возникнуть ситуация, когда установленные обстоятельства будут приняты во внимание органами следствия и судом при рассмотрении дела уже в отношении данного лица. Это, по сути, может ухудшить его положение. В этой связи было бы правильным установить пределы судебного разбирательства в отношении данной категории лиц, предоставить им возможность давать показания в судебном разбирательстве, но только в пределах, не ухудшающих их положение» [11, с. 53].

Если преступление было совершено в соучастии, но в силу определенных обстоятельств, дело было выделено в отдельное производство, то возможность вызова соучастника, проходящего по выделенному делу, в судебное заседание, вызывает вопросы. «Неопределенным остается статус вызываемого лица и природа его показаний. Он не может быть допрошен, как подсудимый, поскольку проходит по иному делу в качестве обвиняемого, но также он не может быть допрошен в качестве свидетеля, поскольку принимал

участие в совершении преступления и является заинтересованным лицом» [11, с. 54].

А.А. Барыгина по данному поводу отмечает, что «суд вправе допросить соучастников преступления по выделенному уголовному делу в рамках рассматриваемого уголовного дела на основании ходатайства, заявленного одной из сторон, причем допросить их как участников уголовного судопроизводства, которые располагают сведениями, входящими в предмет доказывания» [7, с. 27].

Как показывает практика, судами нарушаются установленные требования пределов и в рамках судебного разбирательства поднимаются вопросы виновности лица, в отношении которого дело выделено в отдельное производство, а в приговоре отражаются действия иного лица, помимо подсудимого. Так, в одном из приговоров суд подробно описывал и квалифицировал действия лица, в отношении которого дело было выделено в отдельное производство, указывая его фамилию. Верховным судом было указано следующее: «суд не вправе допускать в приговоре формулировки, свидетельствующие о виновности в совершении преступления других лиц. Если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство, в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимыми совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий» [39].

Ввиду недопустимости обозначения в приговоре фамилий указанных лиц, суды используют для их упоминания следующие способы:

- присвоение каждому порядкового номера (ФИО № 1, ФИО № 2 либо лицо № 1, лицо № 3 и т.д.) [43];
- обозначение, как «лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство» [44],
- обозначение, как «установленное лицо», «установленный соучастник» [45].

В одном из приговоров суд обозначал соучастников, в отношении которых дело было выделено в отдельное производство, путем присвоения каждому порядкового номера. Организованной группой было совершено мошенничество. «Лицо № 1», в отношении которого дело было выделено в отдельное производство, занимало должность инспектора налоговой службы и организовало преступную группировку, в которую входили иные должностные лица, для хищения бюджетных средств. «Лицо № 2» - сотрудник налоговой инспекции, был уполномочен осуществлять налоговые проверки, наделялся организационно-распорядительными функциями. «Лицо № 3» - также являющееся сотрудником налоговой инспекции, осуществляло руководство структурным подразделением налоговой инспекции. Лицо № 4 получало денежные средства, вырученные от незаконного налогового вычета соучастниками, и передавало их организатору, который в дальнейшем распределял данные средства между всеми участниками. Остальные соучастники дела в приговоре обозначаются без описания должностных функций и полномочий, с указанием номера - № 5, № 6, № 7, № 8, № 9 и № 10, № 11 и № 12. В приговоре указано, что деятельность данной преступной группировки заключалась в «хищении бюджетных средств, которое выражалось в незаконным возвратом имущественного налогового вычета, предоставляемого в связи с приобретением физическим лицом на территории Российской Федерации квартиры, которая в действительности не приобреталась, внесением в информационную базу налогового органа заведомо ложной информации при фактическом отсутствии подтверждающих приобретение физическим лицом на территории Российской Федерации квартиры документов и подложных сведений о трудовой деятельности соучастников организованной преступной группы и лиц, не осведомленных о преступной деятельности соучастников организованной группы, и перечислением полагаемой суммы налогового вычета на расчетные банковские счета соучастников, а так же лиц, не осведомленных о преступной деятельности участников организованной группы» [43].

Из приведенного приговора видно, что в отношении каждого из соучастников уголовное дело было выделено в отдельное производство. Вместе с тем, в приговоре излагается суть их участия в организованной преступной группе с описанием роли каждого из них. Каждому соучастнику присвоен свой порядковый номер. Общее количество соучастников, указанных в приговоре, составляет 12 человек. В судебном заседании были заслушаны показания непосредственно самого обвиняемого, свидетелей, а также «лица, которое участвовало в совершении преступления, но с ним было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [43].

«Если преступление совершено в соучастии, но один из соучастников не является субъектом уголовной ответственности в силу не достижения установленного возраста или невменяемости, то в судебном разбирательстве виновность подсудимого будет устанавливаться, с учетом соучастия» [11, с. 58], но вопрос относительно виновности указанных лиц, наряду с виновностью подсудимого, рассматриваться не может. Однако интерес представляют пределы исследования и учета роли данного лица в совершении преступления при вынесении судом решения о виновности подсудимого и отражении этого в приговоре. В судебной практике встречаются случаи, когда суд, описывает действия невменяемого лица с указанием его фамилии.

Рассмотрим подобный пример из судебной практики: была совершена «кража группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба». Подсудимый Мингалеев вступил в сговор с Ивановым - лицом, которое впоследствии было признано невменяемым. Суд указывает, что сговор был совершен с распределением роли каждого из соучастников. Мингалеев в соответствии с договоренностью, осуществил взлом запирающего устройства, которым был пристегнут велосипед, с помощью приспособления. Роль Иванова заключалась в том, что он следил за тем, нет ли прохожих, которые могут заметить действия его подельника. После того, как Мингалеев завладел велосипедом, они скрылись с места преступления. В рамках другого эпизода хищения имущества, Иванов также

наблюдал за окружающей обстановкой, следил за тем, не идет ли кто-либо из прохожих, а Мингалеев, повредив запирающий велосипед трос, завладел данным транспортным средством [46]. В данном приговоре суд излагает суть действий Иванова, признанного невменяемым, отмечает, что дела в отношении него выделено в отдельное производство и ему были назначены принудительные меры медицинского характера, суд, на протяжении всего приговора, обозначает его фамилию и инициалы.

Что касается пределов судебного разбирательства относительно лиц, уже осужденных по выделенному делу, то авторами отмечается, что на практике встречаются ситуации, когда показания данных лиц, указанные в приговоре, оглашаются в судебном заседании. Однако, как отмечают авторы, это является нарушением не только пределов судебного разбирательства, но и нарушением принципов непосредственности и устности [11, с. 76].

Таким образом, можно отметить, что к совершению преступления могут быть причастны иные лица, не являющиеся подсудимыми. Однако виновность данных лиц не должна устанавливаться в рамках судебного разбирательства, их действия не должны подробно описываться и квалифицироваться, а их фамилии не должны встречаться в приговоре. Все же суды нарушают данные пределы, и в судебной практике можно встретить примеры, где, помимо действий подсудимого, подробно излагаются действия иных лиц, причастных к преступлению. Кроме того, по делам о соучастии с невменяемым лицом, суды допускают упоминание фамилии невменяемого.

Исследователями отмечается «важность законодательного установления пределов участия лиц, в отношении которых дело было выделено в отдельное производство» в судебном заседании, определении допустимости исследования обстоятельств совершенного ими деяния, если оно тесным образом взаимосвязано с деянием подсудимого [11, с. 53].

2.2 Пределы установления в судебном разбирательстве факта совершения преступления другими участниками уголовного процесса

Среди представителей научного сообщества поднимается вопрос относительно пределов судебного разбирательства для лиц, чьи противоправные действия послужили поводом к совершению преступного деяния подсудимым [11, с. 90]. Установление пределов разбирательства в отношении данной категории лиц имеет важное значение, поскольку уголовный закон предусматривает возможность смягчения мер уголовной ответственности, в некоторых случаях, когда «преступные действия подсудимого были спровоцированы неправомерным поведением иного лица. При этом совершение обоих противоправных деяний находятся в одной плоскости и связаны одними обстоятельствами» [11, с. 90].

В качестве примера можно назвать убийство при превышении пределов необходимой обороны, где преступные действия обороняющегося лица были вызваны неправомерным посягательством со стороны потерпевшего. Установление обстоятельств, в том числе характера потенциального вреда, действий потерпевшего являются необходимыми для правильной квалификации действий подсудимого, поскольку уголовный закон устанавливает, что превышение пределов необходимой обороны имеет место в случае, когда субъект совершил «умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства» [53]. Как видно, для установления превышения пределов необходимой обороны необходимо установить характер и опасность потенциального вреда, который мог быть причинен посягательством.

Другим примером может выступать убийство в состоянии аффекта. Законодатель в диспозиции ст. 107 УК РФ заложил такой признак, как то, что деяние было вызвано «насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными

действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» [53]. Как видно, в данном случае, для квалификации преступления необходимо установить совершение противоправных действий со стороны потерпевшего. При этом данные противоправные действия могут образовывать объективную сторону иного преступления, предусмотренного уголовным законом. К примеру, применение насилия имеет место при разбое, вымогательстве, нанесении побоев.

Рассмотрим, как в приговорах суда отражены обстоятельства совершения противоправных действий потерпевшего в случаях с превышением пределов необходимой обороны и совершении преступления в состоянии аффекта. Так, в рамках установления виновности подсудимого в причинении тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, судом были рассмотрены следующие обстоятельства: в день совершения преступления подсудимому позвонила его мать, сказала, что ей угрожает ее бывший супруг, она находится в автомобиле, заблокировала окна и двери, находится в крайне испуганном состоянии, поскольку ранее подвергалась побоям от данного лица. Подсудимый приехал на место происшествия, взял с собой нож для устрашения нападавшего на его мать. Однако, находясь в сильном волнении от того, что услышал, как нападавший кричит на его мать и пытается проникнуть в автомобиль, подсудимый ударил его в бок ножом [51].

В приговоре суда указывается фамилия и инициалы не только подсудимого, но и лица, чьи действия спровоцировали его на преступление. В судебном заседании были рассмотрены показания свидетелей, которые поясняли, что данное лицо принуждало мать подсудимого сесть в автомобиль, на ее отказ отвечало криками, пыталось насильно затащить ее в автомобиль, хватало за одежду. После того, как мать подсудимого села в свою машину и заблокировала двери, нападавший стучал по окнам машины [приг туш].

По одному из дел о превышении пределов необходимой обороны, преступление было совершено при следующих обстоятельствах: подсудимый распивал спиртные напитки с «неустановленным следствием лицом по имени Артур», в результате ссоры Артур взял кухонный нож и нанес подсудимому несколько колото-резаных ран, затем переместился на балкон помещения, где произошел инцидент. Подсудимый, последовал за ним и, видя, что он находится лицом к открытому окну, вытолкнул его с балкона. В результате полученных от падения повреждений, потерпевши скончался. Подсудимый пояснил, что был вынужден обороняться, поскольку после причинения ему резаных ран, потерпевший высказывал угрозы, говорил, что добьет его, при этом не выпускал нож из рук. Когда подсудимый вышел на балкон, потерпевший хотел наброситься на него, что послужило причиной столкновения его с балкона. Подсудимый также пояснил, что столкновение с балкона произошло в результате борьбы. В судебном заседании суд провел допрос подсудимого, огласил показания свидетелей, результаты судебных экспертиз.

Суд в приговоре действия потерпевшего изложил следующим образом: «между подсудимым и потерпевшим – неустановленным лицом по имени Артур произошел конфликт, в ходе которого последний применил в отношении подсудимого насилие, причинив ряд колото-резаных ранений, после чего, продолжая держать в руках нож, вышел курить на балкон, в момент чего подсудимый подошел, схватил его за одежду и с силой толкнул в окно, что и привело к смерти потерпевшего» [47]. Таким образом, в материалах дела содержатся сведения о совершенном на подсудимого посягательстве, характере опасности этого посягательства, сопряженного с насилием.

В рамках другого дела преступление было совершено при следующих обстоятельствах: подсудимый отдыхал в парке с родственниками. После того, как родственники ушли, он остался один. К нему подошли двое нетрезвых мужчин, которые пытались спровоцировать конфликт. В результате возникшей словесной перепалки, подошедшие мужчины набросились на

подсудимого, нанесли ему несколько ударов кулаками. Подсудимый, осколком от стеклянной тары из-под напитка нанес нападавшим несколько колото-резаных ранений, которые были отнесены к тяжкому вреду здоровью. В свою очередь, повреждения, полученные подсудимым от нападавших не могут рассматриваться, как вред здоровью.

В приговоре суд подробно не излагал, потерпевших, которые повлекли совершение преступления подсудимым, потерпевшие были обозначены только инициалами. В резолютивной части приговора суд подробно описал только действия подсудимого. Действия потерпевших суд кратко изложил, как нападение и нанесение ударов в область лица, туловища, конечностей в процессе драки [48].

В рамках другого дела также имело место превышение необходимой обороны, которое было совершено при следующих обстоятельствах: между подсудимой Розиковой и потерпевшим на почве ревности произошла ссора, в ходе которой потерпевший наносил подсудимой удары руками по лицу (давал пощечины), голове и туловищу, тянул ее за волосы. Для отражения очередного удара, подсудимая взяла кухонный нож и нанесла потерпевшему один удар в грудь, в результате чего была повреждена часть легкого. Полученная травма была расценена судом, как тяжкий вред здоровью.

В судебном заседании были исследованы действия потерпевшего. В приговоре суд изложил его противоправное деяние следующим образом: «потерпевший вошел в квартиру Розиковой Г.Р., находясь в агрессивном состоянии, не раздеваясь, стал дергать ручку двери туалетной комнаты, стучать по двери, требовать, чтобы скрывшаяся в туалете Розикова Г.Р. открыла дверь и вышла; на уговоры Розиковой Г.Р. успокоиться и покинуть квартиру, равно как и на замечания свидетеля, потерпевший не реагировал. Вышедшую из туалетной комнаты Розикову Г.Р. потерпевший схватил за руку и потащил в комнату, оскорблял, держал за волосы, угрожал обрить налысо, бил по лицу, голове, не реагируя на уговоры и сопротивление Розиковой Г.Р. Продолжая агрессию, потерпевший проследовал на кухню

за вырвавшейся от него Розиковой Г.Р., где продолжил насилие в отношении последней. Несмотря на возможность покинуть квартиру Розиковой, успокоиться, не следовать за ней по квартире, потерпевший свои насильственные действия не прекратил, - находясь в агрессивном состоянии, продолжал преследование Розиковой Г.Р. по всей квартире, удержание ее за волосы и за руки и нанесение ей оскорблений и ударов по голове и лицу» [49].

Как видно, в двух из трех приведенных приговоров суда подробным образом описаны действия потерпевших, которые повлекли преступление подсудимого. В приговорах суда потерпевшие именовались их инициалами, названием ФИО¹ и именем.

Относительно подобных случаев возникает обоснованный вопрос относительно того, не является ли исследование действий потерпевших, спровоцировавших подсудимого на преступное деяние, нарушением пределов судебного разбирательства. В законе по данному поводу ничего не сказано. Однако квалификация деяния, как совершенного при превышении пределов необходимой обороны или как совершенного в состоянии аффекта невозможна без установления действий потерпевшего. Кроме того, в одном из примеров, квалификация деяния, как причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны была осуществлена в рамках судебного разбирательства. Органы следствия же квалифицировали данное деяние как простое причинение тяжкого вреда здоровью [48].

Изложенное говорит о необходимости законодательного закрепления пределов судебного разбирательства для данных категорий дел, с указанием пределов допустимости исследования в судебном разбирательстве неправомерных действий потерпевшего, которые привели к совершению преступления. Однако также необходимо отразить недопустимость уголовно-правовой квалификации действий подсудимого, как это было

отражено в одном из приведенных в параграфе приговоров, где суд указал, что «действия потерпевшего нельзя квалифицировать, как причинение вреда здоровью, поскольку не имела место утрата трудоспособности» [48]. Подобные выражения должны признаваться нарушением пределов судебного разбирательства. Действия потерпевшего должны быть исследованы только в той мере, в которой это необходимо для установления превышения пределов необходимой обороны или провокации состояния аффекта подсудимого.

Следующим случаем «установления в судебном разбирательстве факта совершения преступления другим участником процесса может выступать пример, когда такое преступление не связано едиными обстоятельствами с рассматриваемым в суде, - когда в процессе судебного разбирательства становится известно о фактах совершения преступления каким-либо участником уголовного процесса» [11, с. 98].

В качестве примера можно привести случаи применения насилия, пыток во время производства следственных действий с целью получения признательных показаний. Зачастую в ходе судебного заседания подсудимый отказывается от части своих показаний, указывая на то, что дал их под давлением. В свою очередь, подобные ситуации приводят к тому, что выясняются факты совершения иного преступления, а обстоятельства рассматриваемого преступления при этом требуют пересмотра.

Так по одному из дел в ходе судебного заседания стало известно о том, что подсудимый дал признательные показания в результате психического и физического насилия, оказываемого со стороны сотрудников следствия. В судебном заседании были допрошены свидетели, которые подтвердили наличие у подсудимого телесных повреждений после допроса, было рассмотрено заключение эксперта, также подтверждающее наличие телесных повреждений [3].

В рамках другого уголовного дела подсудимому инкриминировалось «совершение разбойного нападения группой лиц с применением оружия. В

ходе судебного разбирательства подсудимый отказался подтверждать свои показания, данные в ходе предварительного следствия ввиду того, что давал их под давлением. Подсудимый указал, что следователем высказывались угрозы в его адрес, а именно, было озвучено намерение привлечь его к уголовной ответственности по более тяжкой статье, в случае отказа давать признательные показания» [50].

Суд исследовал результаты заключения эксперта, а также показания свидетелей по поводу наличия у подсудимого телесных повреждений. На основании этого рассмотрение виновности подсудимого в той части, которая основывалась исключительно на признательных показаниях, суд исключил [50].

В этой связи необходимым представляется закрепить в качестве пределов судебного разбирательства для подобных случаев возможность исследования обстоятельств совершения противоправных действий иными участниками в той степени, в которой они оказали влияние на дачу показаний подсудимым.

Поскольку из судебной практики можно сделать вывод о допустимости исследования заключений эксперта и показаний свидетелей относительно совершения преступления иными лицами, то это также целесообразно отразить в законе.

Таким образом, в качестве вывода можно отметить следующее. В судебном разбирательстве могут быть установлены факты совершения противоправных действий иными лицами, что, в свою очередь, спровоцировало подсудимого на совершение преступления, либо имеет значение для доказанности виновности подсудимого.

Исследование материалов судебной практики вызывает обоснованный вопрос относительно того, не является ли исследование действий потерпевших, спровоцировавших подсудимого на преступное деяние, нарушением пределов судебного разбирательства. В законе по данному поводу ничего не сказано. В свою очередь, квалификация деяния подсудимого

может напрямую зависеть от установления действий потерпевшего. Это свидетельствует о необходимости закрепления пределов судебного разбирательства для рассмотрения дел о совершении преступления при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта, с указанием пределов допустимости исследования действий потерпевшего и недопустимости их квалификации.

Также необходимым представляется закрепить в качестве пределов судебного разбирательства для подобных случаев возможность исследования обстоятельств совершения противоправных действий иными участниками в той степени, в которой они оказали влияние на дачу показаний подсудимым. Поскольку из судебной практики можно сделать вывод о допустимости исследования заключений эксперта и показаний свидетелей относительно совершения преступления иными лицами, то это также целесообразно отразить в законе.

Глава 3 Особенности пределов изменения обвинения в судебном разбирательстве

3.1 Понятие, сущность и пределы изменения обвинения в судебном разбирательстве

Как уже было отмечено в работе, на основании ст. 252 УПК РФ «изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» [54]. Однако, что именно необходимо понимать под изменением обвинения закон не устанавливает. В свою очередь, понимать, что является изменением обвинения, а что - нет, необходимо для соблюдения требований закона и обеспечения прав и законных интересов подсудимых.

В современной науке исследователи определяют изменение обвинения, как «отраженную в судебном решении корректировку содержания обвинения, не нарушающую внутреннего единства его структурных элементов, которая осуществляется государственным обвинителем, частным обвинителем, присяжными заседателями и судом в установленных для каждого из указанных субъектов порядке и пределах с соблюдением права подсудимого на защиту» [25, с. 236].

Другой автор указывает, что изменение обвинения «заключается в устранении некоторых пробелов, введении разъяснений, в пересмотре ранее выдвинутого обвинения» [16, с. 432].

А.Ю. Епихин и И.А. Тарханов под изменением обвинения понимают «внесение в него официальными лицами тех или иных поправок, сказывающихся на существе, объеме и характере обвинения по делу» [18, с. 124].

Согласно следующему подходу, «изменение обвинения является общим понятием для всех форм корректировки обвинения. Они включают в понятие «изменение обвинения» его дополнение, изменение квалификации и

частичное прекращение уголовного преследования вследствие уменьшения объема обвинения» [19, с. 97].

Другая группа исследователей отмечает, что изменение обвинения и его дополнение - это нетождественные понятия, поскольку изменение обвинения подразумевает его переквалификацию, иную уголовно-правовую оценку содеянного. В свою очередь, дополнение обвинения не требует новой квалификации, а состоит в уточнении некоторых деталей обвинения [33, с. 99].

Г.А. Есаков указывает, что изменение обвинения - это изменение его фактической стороны, которое может осуществляться в нескольких направлениях:

- в сторону смягчения;
- в сторону отягчения;
- в сторону изменения и уточнения обвинения [17, с. 70].

Наиболее распространенным случаем изменения обвинения является его смягчение. Это может иметь место в ситуациях, когда при исследовании доказательств в суде, какие-либо из них признаются недопустимыми, какие-либо события и обстоятельства преступного деяния не подтверждаются и объем обвинения сужается. К примеру, особо крупный размер хищения или участие в совершении преступления иных лиц не подтверждаются доказательствами.

Изменение обвинения в сторону отягчения может выражаться в расширении объема предъявленного обвинения либо в переквалификации на более тяжкую статью уголовного закона. К примеру, могут быть установлены новые эпизоды преступного деяния, выявлены какие-либо дополнительные действия или факты, которые могут быть квалифицированы, как отягчающие обстоятельства.

Изменение и уточнение обвинения выражается в переквалификации на аналогичное по тяжести деяние либо в уточнении обстоятельств совершения преступления, не влияющих на ухудшение положения обвиняемого.

А.Е. Иванова указывает, что изменение обвинения может выражаться в следующем:

- «изменение квалификации деяния (посредством исключения признаков преступления, отягчающих наказание; изменение квалификации на иную статью УК РФ; на иной пункт соответствующей статьи УК РФ; путем исключения признаков квалифицированных, особо квалифицированных составов преступления; исключения составов преступления, предусмотренных отдельными статьями УК РФ);
- прекращение преследования по отдельным эпизодам;
- оправдание подсудимого по отдельным эпизодам;
- посредством возвращения уголовного дела прокурору с целью изменения квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления или для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления;
- посредством отказа от обвинения полностью или в части» [22, с. 113].

Как видно, исследователи по-разному определяют сущность изменения обвинения в судебном разбирательстве: рассматривая дополнение обвинения, как вариант его изменения и, не признавая дополнение изменением.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» указывает, что изменение обвинения может заключаться в его дополнении, «когда в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного. Существенно отличающимся обвинением от первоначального по фактическим обстоятельствам следует считать всякое иное изменение формулировки обвинения (вменение других деяний вместо ранее предъявленных или преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и т. д.), если при этом нарушается

право подсудимого на защиту» [40]. В этой связи представляется правильным считать дополнение обвинения его изменением. При этом следует обратить внимание на тот факт, что понятие изменения обвинения поглощает понятие дополнения обвинения, является более широким по смыслу.

Как видно, имеет место отсутствие единого подхода к тому, что именно следует считать изменением обвинения, как в судебной практике, так и в юридической доктрине. Это вызвано отсутствием законодательного закрепления четких критериев изменения обвинения в процессуальном законе. В свою очередь, это, по мнению авторов, создает слишком «широкий простор для судебного усмотрения» [26, с. 132]. В этой связи необходимым представляется закрепление на законодательном уровне критериев, которые бы позволяли уяснить, что относится к изменению обвинения, а что - нет.

Также необходимо обратить внимание на то, что «наиболее распространенные нарушения пределов судебного разбирательства – это нарушения нормы ч. 2 ст. 252 УПК, то есть нарушения связанные с применением более жесткой в размере санкции статьи уголовного закона, нежели нарушения в ходе судебного разбирательства в ч. 1 ст. 252 УПК, то есть по предъявлению обвинения не предъявленного в рамках судебного разбирательства» [1, с. 176]. Исследователями отмечается, что «на практике суды пренебрегают недопустимостью изменения обвинения в сторону ужесточения» [37, с. 63].

Рассмотрим пример из судебной практики, где в судебном разбирательстве обвинение было изменено в сторону отягчения. В обвинительном заключении указывалось, что «Д. обвинялся в приготовлении к финансированию терроризма путем приискания 1300 долларов США, которые он в этих целях намеревался по прибытии в Сирию передать участнику международной террористической организации [38]. Д. не удалось довести преступление до конца благодаря превентивной работе сотрудников спецслужб, которыми он был задержан в аэропорту, где готовился к посадке в самолет, на котором должен был отбыть в Сирию. Действия Д. органом

предварительного следствия были квалифицированы по ч.1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ» [38].

В суде первой инстанции дело в отношении Д. рассматривалось в рамках обвинения по приготовлению к финансированию терроризма. Но в ходе судебного заседания, суд пришел к выводу о том, что обозначенное деяние следует квалифицировать, как оконченное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ. Это, в свою очередь, привело к ухудшению обвинения. На основании этого вышестоящая инстанция постановила изменить приговор по части переквалификации деяния в соответствии с первоначальным предъявленным обвинением, указанным в обвинительном заключении. Действия обвиняемого были переквалифицированы с ч. 1 ст. 205 УК РФ на ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ [38].

Решение проблемы нарушения пределов судебного разбирательства по части пренебрежения судами запретом на ужесточение обвинения, ряд исследователей видят в отказе от данного запрета. Авторы отмечают, что «изменение квалификации преступления в сторону усиления обвинения непосредственно в стадии судебного разбирательства – является более простым механизмом обеспечения правильного применения уголовного закона при наличии ошибки органов преследования в квалификации преступления или при установлении судом фактических обстоятельств дела, отличающихся от вмененных на стадии предварительного расследования» [20, с. 79].

Думается, что допустимость изменения обвинения в судебном разбирательстве только в случае улучшения положения обвиняемого способствует затягиванию судебного разбирательства, но предоставление возможности суду переквалификации обвинения на более тяжкое, будет нарушать право обвиняемого на защиту.

А.О. Машовец по данному поводу отмечает, что «в процедурном плане соблюдение права на защиту обеспечивается предоставлением сторонам времени, достаточного для подготовки к судебному разбирательству с учетом

новой квалификации. Вместе с тем при изменении обвинения в приговоре невозможно создать условия для подготовки подсудимого к новому обвинению, именно поэтому предел существенности изменения является таким важным и необходимым» [35, с. 239].

Думается, что возможность наделения суда правом переквалификации на более тяжкую категорию преступления, допустимо, в случае согласия подсудимого и при обязательном переносе судебного заседания с предоставлением подсудимому времени на подготовку защиты по новому обвинению.

Исследуя понятие и сущность изменения обвинения в судебном разбирательстве необходимо остановиться на вопросе изменения обвинения государственным обвинителем. Это может быть выражено в полном или частичном отказе от обвинения, в отказе от обвинения по части отягчающих обстоятельств либо в уточнении обвинения. В соответствии с ч. 8 ст. 246 УПК РФ «государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем:

- исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;
- исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;
- переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более мягкое наказание» [54].

Исследователями указывается на правовую неопределенность относительно обязательности для суда решения государственного обвинителя об изменении обвинения [32, с. 56]. Согласно ч. 10 ст. 246 УПК РФ в случае с

отказом от обвинения государственного обвинителя суд обязан прекратить уголовное преследование. Однако, согласно позициям Конституционного и Верховного судов, «вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, а законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде» [17, с. 73].

Как видно из приведенного положения закона, изменение обвинения государственным обвинителем в суде допускается только в сторону смягчения. Исследователями отмечается неопределенность относительно того, может ли государственный обвинитель изменить обвинение без ухудшения или улучшения [34, с. 12].

Для суда апелляционной инстанции пределы судебного разбирательства по изменению обвинения установлены в соответствии с содержанием апелляционной жалобы. Закон допускает изменение положения подсудимого апелляционным судом. Согласно ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ «обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей» [54]. При этом, в соответствии с позицией Пленума Верховного суда, «суд апелляционной инстанции при ухудшении положения осужденного не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления» [41].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что УПК РФ не устанавливает, что именно необходимо понимать под изменением обвинения. В свою очередь, понимать, что является изменением обвинения, а что - нет, необходимо для соблюдения требований закона и обеспечения прав и законных интересов подсудимых. В современной научной среде понятие изменения обвинения, как правило определяется, как корректировка, внесение

поправок, изменение фактической стороны обвинения. Ряд авторов относят дополнение обвинения к его изменению, другие высказывают противоположную позицию. Опираясь на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 «О судебном приговоре» можно сделать вывод, что изменение обвинения может заключаться в его дополнении.

Имеет место отсутствие единого подхода к тому, что именно следует считать изменением обвинения, как в судебной практике, так и в юридической доктрине, что вызвано отсутствием законодательного закрепления четких критериев изменения обвинения в процессуальном законе. В свою очередь, это, по мнению авторов, создает слишком «широкий простор для судебного усмотрения» [26, с. 132]. В этой связи необходимым представляется закрепление на законодательном уровне критериев, которые бы позволяли уяснить, что относится к изменению обвинения, а что - нет.

Представляется, что возможность наделения суда правом переквалификации на более тяжкую категорию преступления, допустимо, в случае согласия подсудимого и при обязательном переносе судебного заседания с предоставлением подсудимому времени на подготовку защиты по новому обвинению.

Относительно возможности государственного обвинителя изменить обвинения в суде необходимо отметить, что ст. 246 УПК РФ устанавливаются пределы такого изменения, в соответствии с которыми изменение допускается только в сторону смягчения. Однако это создает правовую неопределенность относительно возможности изменения обвинения обвинение без ухудшения или улучшения. Кроме того, открытым остается вопрос относительно обязательности для суда решения прокурора об изменении обвинения.

3.2 Условия изменения обвинения в судебном разбирательстве

В качестве условий изменения обвинения в судебном разбирательстве можно назвать два главных: недопустимость ухудшения положения подсудимого и недопустимость нарушения его права на защиту.

Недопустимость ухудшения положения подсудимого в теории еще называют «недопустимость поворота к худшему» [12, с. 17]. УПК РФ не закрепляет, что именно следует понимать под «ухудшением положения подсудимого» [54].

Из Постановления Пленума ВС РФ № 55 следует, что «судам следует исходить из того, что более тяжким считается обвинение, когда: в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного» [40]. Однако четко-установленных критериев относительно определения строгости наказания закон также не содержит. Не определен вопрос относительно того, следует ли ориентироваться только на высший предел наказания, предусмотренного соответствующей статьей или же необходимо принимать во внимание и низшую границу.

По общему правилу, определение категории тяжести преступления осуществляется на основании Уголовного Кодекса Российской Федерации, который выделяет четыре категории преступлений - небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкое и особо тяжкое. Данные категории закреплены в ст. 15 УК РФ. В качестве критерия определения той или иной категории тяжести выступает максимальный предел наказания. Существование категоризации преступлений необходимо, поскольку многие уголовно-правовые институты берут за основу категорию тяжести преступления (общественная опасность, судимость, уголовное наказание и другие) [53]. Однако, Постановление Пленума ВС РФ № 55 указывает на «более строгое

наказание», но не на более тяжкую категорию преступления, что создает правовую неопределенность.

Исследователями указывается, что при определении строгости наказания следует опираться на нижний и высший пределы санкции статьи, а также учитывать предусмотренность санкцией возможности назначения более мягкого альтернативного наказания [31, с. 163]. С этим следует допустимым согласиться, поскольку может иметь место ситуация, когда при квалификации высший предел наказания по обеим статьям будет идентичным, а низший предел будет отличаться. Тогда целесообразно признать ухудшением положения обвиняемого, когда при квалификации деяния по новой статье, низший предел санкции будет предусматривать более строгое наказание.

Как видно, имеет место отсутствие единого подхода к тому, что именно следует считать ухудшением положения подсудимого, как в судебной практике, так и в юридической доктрине. Это вызвано отсутствием законодательного закрепления четких критериев ухудшения положения подсудимого. В этой связи необходимым представляется закрепление в УПК РФ или в Постановлении Пленума Верховного Суда четкой позиции относительно того, следует ли считать дополнение и уточнение обвинения ухудшением положения подсудимого.

Анализ судебной практики позволяет уяснить, что изменение обвинения путем уточнения, в ряде случаев, не признается судами, как нарушение пределов судебного разбирательства, а в иных случаях рассматривается, как ухудшение обвинения. Так, по одному из дел «судом было уточнено время совершения отдельных действий с 2 на 9 октября, а также уточнено место подачи документов, связанных с мошенническими действиями в отношении квартиры. Апелляционная инстанция в ответ на аргумент о нарушении судом ст. 252 УПК РФ указала: «По смыслу закона в судебном заседании допустимо изменение фактических обстоятельств деяния, точнее, сведений о них. если новые сведения носят уточняющим характер (по времени, месту, способу совершения преступления), и их изменение не влечет ухудшение

положения подсудимого, то есть указания на новые обстоятельства, повышающие общественную опасность деяния, и переквалификацию деяния на статью уголовного кодекса о более тяжком преступлении. Уточнение судом адреса МФЦ, в который 27 сентября 2015 г. С. и П.Т.А. подали документы для регистрации перехода права собственности на квартиру и в который впоследствии потерпевшая самостоятельно обратилась с заявлением о возврате ранее поданных документов, равно как и даты ее обращения в указанный МФЦ, не увеличивают объем обвинения, не влияют на квалификацию действий осужденного, его положение не ухудшают и его право на защиту не нарушают, учитывая, что факт сдачи документов 27 сентября 2015 г. в МФЦ по указанному в приговоре адресу осужденным не оспаривался, и он сам называл данный адрес МФЦ»» [4].

Согласно материалам другого дела, изменение обвинения путем уточнения даты и времени совершения преступления, которые не были указаны в обвинительном заключении, было расценено апелляционным судом, как ухудшение положение обвиняемого. Так, по одному из рассмотренных дел, в обвинительном заключении указывалось, что обвинение было предъявлено по ст. 109, преступление «было совершено один из дней с 24 июля 2012 года до 31 июля 2012 года в период времени с 17 часов до 21 часа 00 минут, следовательно, временной границей совершения преступления служит 31 июля 2012 года, это означает, что последним днем совершения преступления является 30 июля 2012 года, а 31 июля 2012 года в указанный в обвинительном заключении и предъявленном Никифорову А.И. обвинению период совершения преступления не входит [5].

Суд апелляционной инстанции признал, что указав в приговоре другую дату совершения преступления, которая органами предварительного следствия осужденному Никифорову А.И. не вменялась, суд первой инстанции существенно изменил предъявленное осужденному обвинение, что лишило его возможности возражать против новых обстоятельств, защищаться

от нового обвинения, приводить свои доводы, а также представлять доказательства, опровергающее данное обвинение» [5].

Из материалов другого дела усматривается, что гражданин Ш. обвинялся «в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей. В обвинительном заключении было указано, что Ш., имея умысел на причинение тяжкого вреда, ударил потерпевшую кулаком по голове», что привело к ее дальнейшему падению и удару головой об пол. В результате падения и удара об пол потерпевшая получила черепно-мозговую травму и ушиб головного мозга. Когда Ш. увидел, что потерпевшая сильно ударилась головой об пол, он доставил ее в больницу, где потерпевшая скончалась из-за прорыва гематомы в головном мозге, которая вызвала отек головного мозга. Далее Ш. явился с повинной в органы полиции. Действия Ш. были квалифицированы в обвинительном заключении по ч. 4 ст. 111 УК РФ [23].

В судебном заседании суд внес уточнение в описание деяния Ш. путем указания на то, что количество ударов по голове потерпевшей было более одного, что ухудшало положение Ш. Данные о количестве ударов были взяты судом из показаний свидетелей и протокола явки с повинной. Кроме того, суд не указал в приговоре то обстоятельство, что по результатам экспертизы были сделаны выводы о происхождении повреждений на теле потерпевшей, а именно - то, что данные повреждения могли быть получены, как от ударов кулаком, так и от удара об пол. Указанные обстоятельства суд кассационной инстанции посчитал ухудшением положения обвиняемого [23].

Еще одним пробелом правовой регламентации исследователями называется не урегулированность вопроса относительно того, следует ли считать ухудшением положения обвиняемого переквалификацию с одного пункта на другой в рамках одной и той же части статьи. К примеру, следует ли считать переквалификацию убийства, совершенного из хулиганских побуждений на убийство, совмещенное с разбоем или вымогательством, ухудшением положения обвиняемого?

Следующим обязательным условием изменения обвинения в суде является недопустимость нарушения права подсудимого на защиту. С.А. Вдовин право на защиту определяет, как «возможность субъекта правоотношений совершать какие-либо действия, направленные на охрану и ограждение его прав и законных интересов от негативных последствий, вызванных его уголовным преследованием в той мере, которая установлена законами и иными нормами права государства» [14, с. 20].

Другой автор указывает, что «под правом обвиняемого на защиту понимают совокупность всех прав, которыми наделен обвиняемый для защиты от предъявленного ему обвинения, для опровержения (полного или частичного) обвинения или смягчения ответственности» [14, с. 21].

В соответствии с УПК РФ «обвиняемый вправе иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите» (ч. 3 ст. 47 УПК РФ) [54]. Это, в частности, должно обеспечиваться и при изменении обвинения в судебном разбирательстве. Если допустить возможность ухудшения положения подсудимого в судебном разбирательстве, это лишит подсудимого возможности иметь достаточное время для формирования линии защиты от нового обвинения. Однако в случае смягчения обвинения, по мнению законодателя, право подсудимого на защиту не нарушается. С этим представляется целесообразным не согласиться, поскольку вновь предъявленное обвинение также может требовать определенного времени для формирования защитной позиции подсудимого. В этой связи представляется более правильным внести уточнение в ст. 252 УПК РФ и указать, что изменение обвинения в сторону улучшения положения подсудимого в судебном разбирательстве допускается только с его согласия. В случае необходимости получения дополнительного времени для подготовки к защите от нового обвинения, судебное заседание должно быть перенесено.

В современной научной среде нет единого подхода к тому, какие критерии, помимо изменения обвинения в худшую сторону, являются нарушением права подсудимого на защиту. Ряд исследователей в качестве

таковых видит установление новых фактов и обстоятельств совершенного преступления. Другие полагают, что нарушением права на защиту является изменение обвинения, в случае, когда обвиняемому необходимо приискание дополнительных доказательств для опровержения нового обвинения [10, с. 163]. А.О. Машовец отмечает, что нарушение права на защиту при изменении обвинения имеет место «при: вменении других деяний вместо ранее предъявленных; вменении преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства; вменении преступления, отличающегося от предъявленного по форме вины» [35, с. 239].

С.В. Бурмагин и П.К. Барабанов нарушение права на защиту видят том, что, при усмотрении судом необходимости изменения обвинения на более тяжкое, судебное разбирательство приобретает обвинительный уклон. В свою очередь, суд не должен занимать ни сторону обвинения, ни сторону защиты [13, с. 47].

Согласно другому подходу, можно говорить «о нарушении права подсудимого на защиту в случае, если изменение обвинения влечет существенное отличие нового обвинения по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного, независимо от его тяжести, в том числе когда осуществляется переквалификация на норму УК предусматривающую ответственность за преступление иного рода» [52, с. 40].

Обратимся к судебной практике для понимания, какое изменение обвинения, по мнению суда, ведет к нарушению права на защиту подсудимого. Санкт-Петербургский городской суд указал, что «любое существенное изменение обвинения, не зависимо от того, в сторону смягчения или отягощения оно изменяется, является нарушением права подсудимого на защиту. В связи с тем, что государственный обвинитель изменил обвинение на менее тяжкое, но существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от предъявленного (по объекту посягательства, субъекту преступления, форме вины и т.д.), следовало предоставить стороне защиты возможность выразить свое отношение к новому обвинению, заявить в связи с

этим доводы стороны защиты. Из материалов дела не следует, что с учетом изменения обвинения, отличающегося по фактическим обстоятельствам от предъявленного обвинения органами предварительного следствия, стороне защиты была предоставлена возможность защищаться от обвинения, отличающегося по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного подсудимому» [6].

В качестве вывода можно отметить следующее. Главными условиями изменения обвинения в судебном разбирательстве являются недопустимость ухудшения положения подсудимого и недопустимость нарушения его права на защиту. УПК РФ не содержит критериев установления ухудшения положения подсудимого. Постановление Пленума Верховного Суда № 55 ухудшением положения признает «изменение на более тяжкое обвинение или назначение более строгого наказания» [40]. Однако четко-установленных критериев относительно определения строгости наказания закон также не содержит. Не определен вопрос относительно того, следует ли ориентироваться только на высший предел наказания, предусмотренного соответствующей статьей или же необходимо принимать во внимание и низшую границу.

В судебной практики также отсутствует единообразный подход к тому, что следует считать ухудшением положения подсудимого. Анализ судебной практики показал, что в одних случаях таковым признается уточнение и дополнение обвинения, а в других случаях это не рассматривается в качестве ухудшения положения подсудимого. Это вызвано отсутствием законодательного закрепления четких критериев ухудшения положения подсудимого. В этой связи необходимым представляется закрепление в УПК РФ или в Постановлении Пленума Верховного Суда четкой позиции относительно того, следует ли считать дополнение и уточнение обвинения ухудшением положения подсудимого.

В современной научной среде нет единого подхода к тому, какие критерии, помимо изменения обвинения в худшую сторону, являются

нарушением права подсудимого на защиту. В соответствии с УПК РФ «обвиняемый вправе иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите» (ч. 3 ст. 47 УПК РФ) [54]. Это, в частности, должно обеспечиваться и при изменении обвинения в судебном разбирательстве. Если допустить возможность ухудшения положения подсудимого в судебном разбирательстве, это лишит подсудимого возможности иметь достаточное время для формирования линии защиты от нового обвинения. Однако в случае смягчения обвинения, по мнению законодателя, право подсудимого на защиту не нарушается. С этим представляется целесообразным не согласиться, поскольку вновь предъявленное обвинение также может требовать определенного времени для формирования защитной позиции подсудимого. Подобной позиции придерживается и судебная практика, где судами указывается, что любое существенное изменение обвинения, не зависимо от смягчения или отягчения, является нарушением права подсудимого на защиту.

Представляется правильным внести уточнение в ст. 252 УПК РФ и указать, что изменение обвинения в сторону улучшения положения подсудимого в судебном разбирательстве допускается только с его согласия. В случае необходимости получения дополнительного времени для подготовки к защите от нового обвинения, судебное заседание должно быть перенесено.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Единый подход к пониманию судебного разбирательства в науке отсутствует. Думается, что для формирования теоретического единства в отношении понимания судебного разбирательства необходимо закрепление в законе более точного и полного определения данного понятия следующим образом: «судебное разбирательство представляет собой центральную стадию уголовного судопроизводства, которая призвана разрешать дело по существу путем исследования всех представленных доказательств и вынесения решения о виновности либо невиновности подсудимого» [9, с. 356].

Важнейшим аспектом судебного разбирательства являются его задачи. Исследователями выделяются такие задачи судебного разбирательства, как «разрешение дела по существу, непосредственное исследование доказательств, установление виновности подсудимого, вынесение приговора и назначение справедливого наказания или освобождение от него» [56, с. 73].

Для реализации справедливого судебного разбирательства, для обеспечения прав и свобод участников процесса, а также обеспечения главенствующих ценностей и основ, закрепленных в Конституции, необходимо соблюдение установленных УПК РФ принципов судебного разбирательства. Для судебного разбирательства характерны принципы, предусмотренные для всего уголовного процесса, а также те принципы, которые предусмотрены непосредственно для самого судебного разбирательства - «гласность, непосредственность и устность» [54]

В современной научной среде авторами по-разному определяются пределы судебного разбирательства. Это, в частности связано с отсутствием законодательного определения обозначенного понятия. Большинство авторов определяют пределы судебного разбирательства, как установленные законом границы процессуальных полномочий суда относительно объекта обвинения

и самого обвинения. Ряд исследователей не достаточно точно, в общих чертах, определяют обозначенное понятие, не указывая его сущностные особенности. Другие перегружают определение излишними дополнениями, такими, как указание на то, что пределы судебного разбирательства выступают в качестве гарантий реализации принципов уголовного процесса. Авторами указывается на проблемность и формальность института пределов судебного разбирательства, которая обусловлена недостаточной корректностью и неактуальностью их правовой регламентации. Определение пределов судебного разбирательства, как требований к подсудимому и к процессу назначения ему наказания не представляется корректным, поскольку из законодательного положения ст. 252 УПК РФ становится понятным, что данные ограничения касаются сферы обвинения и объекта обвинения.

Необходимо обратить внимание на то, что судами пределы судебного разбирательства понимаются не только в рамках положений, установленных ст. 252 УПК РФ, а также, как недопустимость исследования вопросов доказанности вины и исследования доказательств по делу при решении в судебном заседании вопроса об избрании меры пресечения. Относительно данного подхода суда можно отметить, что, теоретически, вполне возможно было бы включить в пределы судебного разбирательства предмет доказывания по делам об избрании меры пресечения.

Современными авторами критикуется подход законодателя относительно необходимости возвращения уголовного дела прокурору при необходимости его переквалификации по более тяжкой статье УК РФ. Исследователи указывают на неэффективность и формальность данного положения, отмечают, что на практике прокурор всегда переквалифицирует деяние на более тяжкое в случаях, когда в судебном разбирательстве устанавливается такая необходимость. Это говорит о том, что закрепление обозначенного положения в законе является простой формальностью, которая только способствует затягиванию судебного разбирательства и нагружает органы прокуратуры излишней работой. Такое положение, при котором

пределы судебного разбирательства приобретают формальный характер, нивелирует их предназначение и обесценивает их значимость.

Необходимо отметить, что к совершению преступления могут быть причастны иные лица, виновность которых не может устанавливаться в судебном заседании, а в приговоре не могут указываться их фамилии и подробно излагаться их действия. Однако данное правило нарушается судами и в судебном заседании исследуется виновность данных лиц, а в приговоре обозначаются их фамилии и инициалы.

Необходимо отметить важность законодательного установления пределов участия в судебном заседании лиц, в отношении которых дело было выделено в отдельное производство, определения допустимости исследования обстоятельств совершенного ими деяния, если оно тесным образом взаимосвязано с деянием подсудимого.

В судебном разбирательстве могут быть установлены факты совершения противоправных действий иными лицами, что, в свою очередь, спровоцировало подсудимого на совершение преступления, либо имеет значение для доказанности виновности подсудимого.

Исследование материалов судебной практики вызывает обоснованный вопрос относительно того, не является ли исследование действий потерпевших, спровоцировавших подсудимого на преступное деяние, нарушением пределов судебного разбирательства. В законе по данному поводу ничего не сказано. В свою очередь, квалификация деяния подсудимого может напрямую зависеть от установления действий потерпевшего. Это свидетельствует о необходимости закрепления пределов судебного разбирательства для рассмотрения дел о совершении преступления при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта, с указанием пределов допустимости исследования действий потерпевшего и недопустимости их квалификации.

Также необходимым представляется закрепить в качестве пределов судебного разбирательства для подобных случаев возможность исследования

обстоятельств совершения противоправных действий иными участниками в той степени, в которой они оказали влияние на дачу показаний подсудимым. Поскольку из судебной практики можно сделать вывод о допустимости исследования заключений эксперта и показаний свидетелей относительно совершения преступления иными лицами, то это также целесообразно отразить в законе.

УПК РФ не устанавливает, что именно необходимо понимать под изменением обвинения. В свою очередь, понимать, что является изменением обвинения, а что - нет, необходимо для соблюдения требований закона и обеспечения прав и законных интересов подсудимых. В современной научной среде понятие изменения обвинения, как правило определяется, как корректировка, внесение поправок, изменение фактической стороны обвинения. Ряд авторов относят дополнение обвинения к его изменению, другие высказывают противоположную позицию. Опираясь на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 «О судебном приговоре» можно сделать вывод, что изменение обвинения может заключаться в его дополнении.

Имеет место отсутствие единого подхода к тому, что именно следует считать изменением обвинения, как в судебной практике, так и в юридической доктрине, что вызвано отсутствием законодательного закрепления четких критериев изменения обвинения в процессуальном законе. В свою очередь, это, по мнению авторов, создает слишком «широкий простор для судебного усмотрения» [26, с. 132]. В этой связи необходимым представляется закрепление на законодательном уровне критериев, которые бы позволяли уяснить, что относится к изменению обвинения, а что - нет.

Решение проблемы нарушения пределов судебного разбирательства по части пренебрежения судами запретом на ужесточение обвинения, ряд исследователей видят в отказе от данного запрета. Думается, что предоставление возможности суду в рамках судебного разбирательства

переквалифицировать обвинение на более тяжкое, будет нарушать право обвиняемого на защиту.

Представляется, что возможность наделения суда правом переквалификации на более тяжкую категорию преступления, допустимо, в случае согласия подсудимого и при обязательном переносе судебного заседания с предоставлением подсудимому времени на подготовку защиты по новому обвинению.

Относительно возможности государственного обвинителя изменить обвинения в суде необходимо отметить, что ст. 246 УПК РФ устанавливаются пределы такого изменения, в соответствии с которыми изменение допускается только в сторону смягчения. Однако имеет место неопределенность относительно возможности изменения обвинения без ухудшения или улучшения. Кроме того, открытым остается вопрос относительно обязательности для суда решения прокурора об изменении обвинения.

Главными условиями изменения обвинения в судебном разбирательстве являются недопустимость ухудшения положения подсудимого и недопустимость нарушения его права на защиту. УПК РФ не закрепляет, что следует понимать под ухудшением положения. Постановление Пленума Верховного Суда № 55 ухудшением положения признает «изменение на более тяжкое обвинение или назначение более строгого наказания» [40]. Однако четко-установленных критериев относительно определения строгости наказания закон также не содержит. Не определен вопрос относительно того, следует ли ориентироваться только на высший предел наказания, предусмотренного соответствующей статьей или же необходимо принимать во внимание и низшую границу.

В судебной практики также отсутствует единообразный подход к тому, что следует считать ухудшением положения подсудимого. Анализ судебной практики показал, что в одних случаях таковым признается уточнение и дополнение обвинения, а в других случаях это не рассматривается в качестве ухудшения положения подсудимого. Это вызвано отсутствием

законодательного закрепления четких критериев ухудшения положения подсудимого. В этой связи необходимым представляется закрепление в УПК РФ или в Постановлении Пленума Верховного Суда четкой позиции относительно того, следует ли считать дополнение и уточнение обвинения ухудшением положения подсудимого.

В современной научной среде нет единого подхода к тому, какие критерии, помимо изменения обвинения в худшую сторону, являются нарушением права подсудимого на защиту. В соответствии с УПК РФ «обвиняемый вправе иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите» (ч. 3 ст. 47 УПК РФ) [54]. Это, в частности, должно обеспечиваться и при изменении обвинения в судебном разбирательстве. Если допустить возможность ухудшения положения подсудимого в судебном разбирательстве, это лишит подсудимого возможности иметь достаточное время для формирования линии защиты от нового обвинения. Однако в случае смягчения обвинения, по мнению законодателя, право подсудимого на защиту не нарушается. С этим представляется целесообразным не согласиться, поскольку вновь предъявленное обвинение также может требовать определенного времени для формирования защитной позиции подсудимого. Подобной позиции придерживается и судебная практика, где судами указывается, что любое существенное изменение обвинения, не зависимо от смягчения или отягчения, является нарушением права подсудимого на защиту.

Представляется правильным внести уточнение в ст. 252 УПК РФ и указать, что изменение обвинения в сторону улучшения положения подсудимого в судебном разбирательстве допускается только с его согласия. А в случае необходимости получения дополнительного времени для подготовки к защите от нового обвинения, судебное заседание должно быть перенесено.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Айдаров А.С., Дроздов А.С. Особенности пределов судебного разбирательства по уголовным делам // Трибуна молодых учёных: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 января 2023 года. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 175-177.
2. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-24978/2021 от 13 декабря 2021 года по делу № 10-24978/2021 [Электронный ресурс], URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/e43c4720-57dc-11ec-a64f-3f8ae851a475/> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда № 22-3055/2020 от 7 августа 2020 по делу № 22-3055/2020 [Электронный ресурс], URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ufCdANiHTR5u/> (дата обращения: 27.05.2025).
4. Апелляционное определение Судебной Коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции № 55-333/2021 от 29 июня 2021 года по делу № 55-333/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/321869158/paragraph/1:0/> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 22-1329/2020 от 03 сентября 2020 года по делу № 22-1329/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/316462218/paragraph/1:0/> (дата обращения: 23.04.2025).
6. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-78/2018 от 23.01.2018 № 22-78/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1025171700#TUPxfmU7djHDm1J6/> (дата обращения: 29.05.2025).

7. Барыгина А.А. Использование показаний соучастников в совершении преступления в качестве доказательств при выделении уголовного дела // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 24-30.

8. Басалыко В.М. Понятие пределов судебного разбирательства // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 74-6. С. 11-15.

9. Бошукова Е.В., Корсунова К.С. Понятие и задачи стадии судебного разбирательства в уголовном процессе // Наука - образованию, производству, экономике: Материалы 77-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 28 февраля 2025 года. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2025. С. 354-356.

10. Бравилова Е.А. Пределы судебного разбирательства: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 29 с.

11. Бравилова Е.А. Пределы судебного разбирательства: дисс.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 238 с.

12. Будылин Н.В. Запрет на поворот к худшему в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2023. 31 с.

13. Бурмагин С.В., Барабанов П.К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45-53.

14. Вдовин С.А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: дисс... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 286 с.

15. Гаврилов Б.Я. Пределы судебного разбирательства и возможности суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 83-91.

16. Гензик В.Т. Некоторые проблемы института изменения обвинения в уголовном процессе России // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 9(72). С. 431-436.

17. Есаков Г.А. Пределы судебного разбирательства (статья первая): изменение фактической стороны обвинения // Уголовное право. 2024. № 9. С. 69-80.

18. Епихин А.Ю., Тарханов И.А. Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 122-129.

19. Затворницкая Л.Р. Проблемные вопросы изменения обвинения в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-7. С. 96-98.

20. Затворницкая Л.Р. К вопросу о механизме изменения обвинения в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-3. С. 77-79.

21. Иванов В.И. Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 142-151.

22. Иванова А.Е. Изменение пределов судебного разбирательства // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник научных статей V Международной студенческой научно-практической конференции. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 111-115.

23. Кассационное определение Судебной Коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции № 7У-2073/2020 от 16 апреля 2020 года по делу № 7У-2073/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/315884487/paragraph/1:0/> (дата обращения: 22.04.2025).

24. Карпова Л.И. судебное разбирательство как стадия уголовного процесса // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 1, № 35. С. 148-150.

25. Карпов А.С. Понятие и признаки изменения обвинения при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228). С. 234-236.

26. Карпов А.С. О совершенствовании регулирования процессуального порядка и пределов изменения обвинения судом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 130-142.

27. Кондратьева Т.Х. Представление доказательств участниками уголовного процесса на стадии судебного разбирательства // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2009. № 49. С. 129-139.

28. Лаков А.В., Шепелева О.Р. Судебное разбирательство в российском уголовном процессе. Лекция // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 3. С. 117-139.

29. Лебедев В.М. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: научно-практическое пособие. М. : Норма, 2011. 512 с.

30. Мавлеткулов Н.И. Изменение пределов судебного разбирательства // Проблемы укрепления законности правопорядка в современном обществе: Сборник научных статей по итогам Республиканской научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел», Стерлитамак, 10 ноября 2020 года. Том Выпуск VII. – Стерлитамак : Башкирский государственный университет, 2020. С. 76-78.

31. Макаров С.Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2017. 215 с.

32. Малина М.А. Должен ли отказ прокурора от обвинения быть обязательен для российского суда? // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 55-57.

33. Мальцагов И.Д., Бакриев И.С., Алхазова Ш.Х., Тепсаева А.А. Особенности процессуального порядка изменения обвинения // Известия Чеченского государственного университета. 2021. № 2 (22). С. 97-100.

34. Малютина А.В., Тютюник Р.Н. Аспекты форматирования обвинения на судебной стадии уголовного процесса // Законность. 2024. № 11. С. 11-13.

35. Машовец А.О. Изменение обвинения в суде: процессуальный критерий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной,

правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 233-240.

36. Монгуш А.Л. Актуальные проблемы относимости и допустимости доказательств в российском уголовном процессе и пути их решения // Modern Science. 2022. № 5-1. С. 167-169.

37. Муллахметова Н.Е. Пределы судебного разбирательства: вопросы теории и практики правоприменения // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник научных статей. – Смоленск : Смоленский государственный университет, 2024. С. 59-68.

38. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2022 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 декабря 2022 года). [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/406031571/paragraph/899/doclist/902/9/0/0/> (дата обращения: 21.05.2025).

39. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 за 2021 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2022 года). [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/403537448/paragraph/642/doclist/902/10/0/0> (дата обращения: 21.04.2025).

40. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2015 года № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета от 29 декабря 2015 год № 295.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // "Российская газета", N 283, 07.12.2012.

42. Постановление Нагатинского районного суда города Москвы № 3/1-0534/2021 от 10 декабря 2021 года по делу № 3/1-0534/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/nagatinskij/services/cases/criminal->

materials/details/fc4472f0-599b-11ec-8ee2-7787feaa9787/ (дата обращения: 11.05.2025).

43. Приговор Тушинского районного суда города Москвы № 1-111/21 от 16 апреля 2021 года по делу № 1-111/21 [Электронный ресурс] URL: <https://mosgorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/criminal/details/f6bbb060-3ecf-11eb-8534-6971a487ebf3/> (дата обращения: 22.05.2025).

44. Приговор Головинского районного суда города Москвы № 1-349\2021 от 29 июня 2021 года по делу № 1-349\2021 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/a7bb1360-6acc-11eb-9925-3d0473d2e449/> (дата обращения: 22.05.2025).

45. Приговор Бутырского районного суда города Москвы № 01-0002/2016 от 25 февраля 2016 года по делу № 01-0002/2016 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/butyriskij/services/cases/criminal/details/3eb51912-d94d-46ea-84c8-18323cb7dc62/> (дата обращения: 22.05.2025).

46. Приговор Таганского районного суда города Москвы № 10-0862/2022 от 28 сентября 2021 года по делу № 10-0862/2022 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/3c5a5c40-7460-11ec-b228-a9efd5f6e3b7/> (дата обращения: 22.05.2025).

47. Приговор Останкинского районного суда города Москвы № 01-0402/2020 от 20 октября 2020 года по делу № 01- 0402/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/b6a156e4-3a72-46b5-9e75-20cfce69347f/> (дата обращения: 27.05.2025).

48. Приговор Тимирязевского районного суда города Москвы № 1-10/22 от 11 февраля 2022 года по делу № 1-10/22 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/timiryazevskij/services/cases/criminal/details/cc9ccfc0-92ef-11eb-951e-456ffe71eb80/> (дата обращения: 27.05.2025).

49. Приговор Люблинского районного суда города Москвы № 1-452-2019-17 от 09 августа 2019 года по делу № 1- 452-2019-17 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/lyublinskij/services/cases/criminal/details/eef220ae-ea03-4abb-8bc0-267fdd50e333/> (дата обращения: 27.05.2025).

50. Приговор Перовского районного суда города Москвы № 1-300/2024 от 23 августа 2024 года по делу № 1-300/2024 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/criminal/details/eef220ae-ea03-4abb-8/> (дата обращения: 27.05.2025).

51. Приговор Тушинского районного суда города Москвы № 1-476/2021 от 23 ноября 2021 года по делу № 1-476/2021 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/16213a40-ae5d-11eb-b059-911d1682728e/> (дата обращения: 28.05.2025).

52. Смоляков П.Н. Приоритет специальных норм в административно-деликтном и уголовном законах // Законность. 2022. № 1. С. 38-41.

53. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

54. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

55. Хайдаров А.А. Проблема соотношения понятий «Судебное заседание», «Судебное разбирательство» и «Судебное следствие» в уголовно-процессуальном законе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 5. С. 48-53.

56. Хатуева В.В., Матыцина Е.А. Сущность и задачи этапа судебного следствия: доктринальный аспект // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 13 (13). С. 73-74.

57. Чернышев Д.А. Проблемы изменения обвинения в стадии судебного рассмотрения в части защиты прав потерпевшего // Вопросы судебной

деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции: в 2 т., Симферополь, 31 марта 2023 года. Том 2. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 902-907.

58. Широбокова А.А. Место судебного разбирательства в системе других стадий уголовного процесса // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2023. № 4. С. 218-224.